

А. Г. Кузьмин

К ВОПРОСУ О КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ КАТЕГОРИИ «ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СПОР»

A. G. Kuzmin

TO THE QUESTION OF CONSTITUTIONAL AND LEGAL CONSTITUTIVE CATEGORY OF 'ECONOMIC DISPUTE'

В статье предлагается в контексте разработки теоретико-конституционных аспектов экономического правосудия рассматривать категорию «экономический спор» сквозь призму конституционной легитимации арбитражной юрисдикции, поскольку детализация данной категории и ее толкование находятся в предметной зависимости от реализации конституционных целей правосудия в целом.

Идея (и идеал) конституционной законности, адекватное восприятие Конституции РФ как общего и безоговорочно легитимного источника российского права означает, что должны быть исключены из практики случаи, когда в силу различия в квалификации того или иного спора как экономического лицо не может реализовать право на судебную защиту, либо нарушается фундаментальное конституционное правило о компетентном суде.

Ключевые слова: конституционное право на судебную защиту; экономический спор; конституционные принципы экономики, арбитражный суд.

In the context of the development of theoretical and constitutional aspects of economic justice the article considers the category of 'economic dispute' through the prism of constitutional legitimation of arbitration jurisdiction as detailization of this category and its interpretation are in subject dependence of the realization of the constitutional purposes of justice in general.

The idea (and ideal) of constitutional legality, adequate perception of the Constitution of the Russian Federation as a general and unconditional legitimate source of the Russian law means that the state should exclude from the practice cases where due to the difference in the classification of the dispute as an economic a person may not exercise the right for judicial protection or violates fundamental constitutional rule on the competent court.

Keywords: constitutional right for judicial protection; economic dispute; constitutional principles of economics, arbitration court.

Признавая единство судебной системы, а в первую очередь — направленность каждого органа власти, в том числе судов, на охрану и защиту прав и свобод человека, его законных интересов, государство предусматривает возможность разрешения экономических споров, в том числе и связанных с предпринимательской деятельностью, различными судебными органами, входящими в судебную систему в соответствии с компетенциями: Конституционным Судом РФ, арбитражными судами и судами общей юрисдикции, конституционными (уставными) судами субъектов РФ. Однако именно конституцион-

ные принципы российской экономики и необходимость реализации конституционных установлений в развитии экономической сферы общественных отношений «вызвали к жизни судебные органы, призванные осуществлять именно экономическое правосудие» [13, с. 958].

В отечественной литературе система арбитражных судов чаще всего характеризуется как основной государственно-властный инструмент осуществления конституционного права на судебную защиту в экономической сфере, реализуемой посредством осуществления правосудия на основе арбитражного процессуального

законодательства [21, с. 136]. Как неоднократно подчеркивал Конституционный Суд РФ, федеральный законодатель, установив в ст. 27 и 28 АПК РФ категории дел, конкретизировал тем самым ст. 47 (ч. 1) Конституции РФ (Определение Конституционного Суда РФ от 25 сентября 2014 г. № 2182-О).

Сущностные особенности экономического правосудия как прерогативы конституционно-легитимной арбитражной юрисдикции и одной из основных категорий арбитражного процесса раскрываются через значения категорий «правосудие» и «экономический спор». При этом, хотя категория «экономический спор» выступает как первичная и определяющая по отношению к экономическому правосудию, приходится констатировать, что в российском законодательстве указанный термин должным образом не детализирован, что приводит к затруднениям его толкования и, соответственно, реализации конституционных целей экономического правосудия, включая обеспечение конституционных прав. Как неоднократно указывал Президиум ВАС РФ, недопустима ситуация, в которой лицо не может реализовать право на судебную защиту (Постановление Президиума ВАС РФ от 25.06.2013 № 14520/12 по делу № А41-26287/2009).

Проблематика конституционной достоверности научных понятий и категорий является частью техники переноса юридически значимой информации в тексты нормативно-правовых актов, выработки конституционно-правовых дефиниций, и в этой связи она непосредственно входит в методологию конституционализации правовых систем. Свой вклад в решение такого рода задач может внести и правоприменительная практика, включая арбитражное правосудие. Тогда как в науке права по-прежнему уделяется недостаточное внимание этой проблеме. Одним из наиболее интересных подходов в этом отношении выступает, на наш взгляд, идея В. И. Крусса о том, что номинальные юридические дефиниции «должны быть частями одной и той же конституционной речи, обосновывать возможность и обуславливать выстраивание одного и того же конституционного дискурса» [14, с. 200—201].

На наш взгляд, существует необходимость в смысловой определенности применительно к тому, какой именно спор следует считать экономическим с конституционно-правовой точки зрения.

Статья 4 ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» содержит в наи-

более общем виде основы компетенции арбитражных судов. В соответствии с ч. 2 ст. 27 АПК РФ арбитражные суды разрешают экономические споры и рассматривают иные дела с участием организаций, являющихся юридическими лицами, граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица и имеющих статус индивидуального предпринимателя, приобретенный в установленном законом порядке, а в случаях, предусмотренных этим Кодексом и иными федеральными законами, с участием Российской Федерации, субъектов РФ, муниципальных образований, государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов, должностных лиц, образований, не имеющих статуса юридического лица, и граждан, не имеющих статуса индивидуального предпринимателя.

Материалы судебной практики свидетельствуют, что ВАС РФ последовательно склонялся к позиции, что именно экономическая характеристика спора является определяющим моментом в аспекте установления его подведомственности арбитражным судам, и ее отсутствие не может компенсировать даже «полный набор» иных нормативно установленных признаков. Так, по одному из дел было установлено, что факт регистрации истицы в качестве индивидуального предпринимателя и заключение ею договора купли-продажи с ответчиком не свидетельствуют о наличии экономического характера спора. Исковые требования были мотивированы неисполнением ответчиком обязательства по реализации индивидуальной программы реабилитации ребенка-инвалида истицы, предусматривающей срочное установление по месту ее жительства подвешного подъемника, в результате чего приобретение и установку подъемника осуществил законный представитель ребенка-инвалида, в дальнейшем передавший истице право требования возмещения понесенных затрат на основании договора цессии. В итоге ВАС РФ заключил, что данный спор не относится к компетенции арбитражного суда (Определение ВАС РФ от 24.02.2014 № ВАС-1364/14 по делу № А41-33757/2013).

На наш взгляд, разрешая приведенное дело, ВАС РФ прибегнул к вполне конституционно-правовому по сути истолкованию арбитражно-процессуальных нормативных положений, хотя формально и в этом случае он (как это вообще было свойственно данному высшему судебному органу) избегал соответствующих

терминов и непосредственно конституционных «реминисценций». Спор между гражданином и властью касался здесь не экономических, а выражено социальных аспектов, выполнения государственных обязанностей, обусловленных требованиями признания неумаляемого достоинства каждого человека и гражданина, независимо от каких бы то ни было личных особенностей и равного обеспечения доступа к общим благам, корреспондирующим праву на достойную жизнь. Особенным образом обстоятельства этого дела связаны с тем, что они затрагивают конституционные права и свободы ребенка-инвалида. Признание такого спора экономическим входило бы в противоречие с положениями ст. 7 (ч. 1 и 2), 19, 21, 38 (ч. 1), 39 (ч. 1), 45 Конституции РФ.

В другом случае ВАС РФ фактически отказался признать экономическое содержание в притязаниях на беспрепятственное пользование жителем многоквартирного дома придомовой территорией, как нарушаемое застройщиком другого здания (Определение ВАС РФ от 25.12.2013 № ВАС-14320/13 по делу № А07-4769/2013). Действительно, применительно к обстоятельствам данного спора более уместными и выверенными будут отсылки к требованиям, вытекающим из существа основных правомочий, установленных ст. 21, 25, 36 (ч. 2), 40 Конституцией РФ.

Есть, однако, примеры достаточно неоднозначных трактовок ВАС РФ категории «экономический спор». Так, орган судебной власти не усмотрел признаков экономической деятельности в действиях граждан по распоряжению принадлежащими им долями в праве общей собственности на земельный участок посредством отчуждения их в собственность юридического лица (Определение ВАС РФ от 19.12.2013 № ВАС-15067). А ведь, казалось бы, очевиден производный характер такой деятельности от полномочий, непосредственно конкретизированных в ч. 2 ст. 35 Конституции РФ. Тем более что, как установил Конституционный Суд РФ в широко цитируемом на практике Постановлении от 21 апреля 2003 года № 6-П, все эти права находятся в равной мере под защитой Конституции РФ наряду с правом собственности. Однако в конституционно значимой триаде (владение, пользование, распоряжение) каждое из правомочий может и не иметь специфической экономической нагрузки, оставаясь сугубо имущественным (вещным) правом. Поэтому в каждом конкретном случае здесь оказываются особенно

необходимыми «тонкий» конституционно-правовой анализ ситуации и соответствующее мотивированное заключение. Спор не становится экономическим автоматически, например, при наличии у спорящих экономических интересов или прав, имеющих потенциальную экономическую значимость.

Особую конституционную важность проблематика значения категории экономического спора приобретает в связи с тем обстоятельством, что арбитражным судам подведомственны дела о возмещении имущественного вреда, причиненного субъектами власти по экономическим спорам, возникающим из гражданских и публичных правоотношений. При этом, как отмечается в литературе, положения ч. 2 ст. 120 Конституции РФ определяют, что иск о возмещении вреда, причиненного субъектами власти, «подлежит удовлетворению независимо от признания соответствующих действий (бездействия) незаконными в судебном акте по другому делу или предъявления заявления о признании соответствующих действий (бездействия) незаконными» [18, с. 43—49].

При обозначенных обстоятельствах высказанное в науке предположение, что нечеткость содержания категории «экономический спор» можно компенсировать определенностью заложенной в нем «идейно-ценностной интенции», следует охарактеризовать, пожалуй, как методологически «рискованное». Бесспорно, что содержание категории «экономический спор» напрямую должно быть увязано с конституционно значимыми предельно общими ценностями: принципом единого экономического пространства и принципом свободы экономической деятельности (ч. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 34 Конституции РФ). Сомнения, однако, вызывают суждения о том, что смысл идейно-ценностной интенции даже при отсутствии законодательного определения экономической деятельности «представляется интуитивно ясным» [16]. Не оспаривая атрибутивной связи категории «экономический спор» с указанными конституционными ценностями, позволим себе поставить под сомнение допустимость использования в праве столь размытой категории, как «интуитивная ясность».

Не только экономическое содержание, но и само понятие спора нуждается в конституционно-правовой определенности, включая его соотнесение со смежным понятием конфликта. В решении этого вопроса специалисты отраслевых наук проявляют заметную активность,

полемизируя в материально и процессуально значимых аспектах относительно того, что является формой спора; последствиями спора; какова связь спора с соответствующим правом или правонарушением. Анализ высказанных в литературе подходов позволяет сделать вывод, что наиболее распространенным является определение спора как социального и юридического явления: от этимологической трактовки спора как разногласия лиц по какому-либо поводу, переходя к разногласиям сторон правоотношения и далее, уже к процессуальному состязанию сторон. Подобное придание спору судебно-процессуального значения зачастую ведет к выходящей за пределы проблемы. Так, например, Д. М. Чечот полагает, что «...несоответствие мнений спорящих сторон создает спор о праве», при этом юридическое и этимологическое понимание спора совпадают, поскольку «законодатель не придает термину “спор” условного характера» [23, с. 48]. Ученый различает две части (предпосылки): предъявление истцом соответствующего требования к ответчику; оспаривание требований истца ответчиком [22, с. 76—77].

Согласимся с высказанным в литературе мнением, что в последовательном юридическом контексте понимание спора как несоответствия мнений сторон признать приемлемым невозможно как минимум по двум обстоятельствам: во-первых, спор о праве возникает раньше соответствующего процесса по его разрешению, спор существует в отношениях определенных лиц до того, как они становятся истцом и ответчиком — именно поэтому вряд ли уместно использовать процессуальную терминологию для его определения. Во-вторых, понятие спора неразрывно связано с защитой права, потребность в которой может возникнуть и при отсутствии разногласия (например, лица могут не только активно возражать против предъявления требования, но и уклоняться от выполнения своих обязанностей) [5, с. 311]. Разногласия, не охватывая всего содержания спора, не могут быть использованы для характеристики его содержания [15, с. 89], поскольку такие разногласия представляют собой оспаривание прав и интересов и поэтому они являются одной из разновидностей затруднений в реализации права. Очевидно, что логически неверно определять категорию «спор» с помощью двух понятий, одно из которых видовое по отношению к другому [8, с. 119—130; 9, с. 6]. Как справедливо отмечает Т. А. Григорьева, по существу сторонники концеп-

ции «спор — разногласия участников правоотношения о его содержании» говорят не столько о природе спора, сколько об одной из форм объективизации через несовпадение позиций участников. Форма явления, причем не единственная, не может считаться его сущностью. При этом важно понимать, что спор возникает до начала процесса и обращению с иском не всегда предшествует урегулирование конфликта между сторонами [5, с. 311].

В соответствии с другим подходом (Л. А. Николаева) главным в споре признается исполнение обязанностей, т. е. нарушение или оспаривание лицами, состоящими в определенных материально-правовых отношениях, субъективных прав, возникающих из правоотношений. Этот подход имеет право на существование при довольно существенной оговорке: «нарушение прав (неисполнение обязанностей) может быть не действительным, а мнимым, т. е. следует говорить о предполагаемом неисполнении обязанностей» [17, с. 14].

В русле данного подхода находится, например, П. Ф. Елисейкин, по мнению которого, любой спор о праве — это особое состояние гражданского субъективного права, наступившее в силу его нарушения или оспаривания [7, с. 21—22]. Правонарушение в форме оспаривания или нарушения является обязательной причиной любого правового спора.

Еще более категоричную позицию занимает Л. А. Ванеева, полагая, что спор есть особое состояние правонарушения, при котором одним из субъектов не исполняется обязанность, а у второго субъекта отсутствует возможность осуществления правомочий [4, с. 11]. Т. А. Григорьева отмечает, что данный подход является очень привлекательным для характеристики хозяйственных споров, а арбитражный процесс, по ее мнению, более чем какое-либо иное производство по разрешению юридических споров нацелен и приспособлен для борьбы с подобными правонарушениями [5, с. 311].

Весьма близок к названному подходу и такой, при котором предпринимается попытка выявить специфику спора через содержание спорного правоотношения и через характеристику сути взаимоотношения сторон, а именно то, что спор возникает из предпринимательской или иной экономической деятельности [12].

В любом случае значение понятия «экономический спор» должно оставаться синтетическим, если мы связываем его с конституционализацией и правосудно-

арбитражным обеспечением конституционных прав, свобод и обязанностей. Не случайно ряд ученых предлагают считать понятие экономического спора комплексным, поскольку оно включает споры, вытекающие из гражданских, административных и иных правоотношений. Убедительных онтологических объяснений такой комплексности на традиционном отраслевом уровне практически нет, поскольку игнорируется методологический ресурс конституционного правопонимания. Поэтому, как правило, предметные спецификации имеют выраженную «номенклатурную» привязку. Так, сторонники существования отрасли «предпринимательского права» считают, что экономическому спору присущи следующие черты: он возникает в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности; затрагиваемые экономическим спором вопросы связаны с предпринимательской деятельностью специальных субъектов, участвующих в расширенном воспроизводстве работ, товаров и услуг; экономические споры имеют имущественные последствия [6, с. 114]. Однако здесь мы сталкиваемся с переносом онтологической неопределенности на конституционную категорию «предпринимательская деятельность» (в ее соотношении с деятельностью экономической). Об этом свидетельствует, например, то обстоятельство, что в судебной практике получила признание позиция, согласно которой указание в анкете при оформлении договора заемщиком — физическим лицом сведений о роде своей деятельности как предпринимательской не означает, что кредитный договор заключен между банком и индивидуальным предпринимателем [3, с. 13—14].

Специалисты, не согласные с отказом от экономической терминологии советского периода, рассматривают правовую природу экономического спора через категорию «хозяйственный спор» [20, с. 174], которая использовалась в законодательстве и правоприменительной практике до образования арбитражных судов. При этом обращают внимание, что основными показателями такого спора, как хозяйственный, ранее являлись плановое начало договорных отношений и разное глагола, связанные с заключением, изменением и прекращением договорных отношений [5]. Впрочем, применительно к современным реалиям признается, что по сути экономический спор — это действующий в сфере экономики и иной предпринимательской деятельности правовой конфликт, участниками которого

являются юридические лица и граждане-предприниматели, а также Российская Федерация как государство и ее субъекты, граждане, не имеющие статуса индивидуального предпринимателя [5]. Трудно возразить представлению, что под «экономической деятельностью» следует понимать производственный процесс, направленный на создание товаров, услуг с целью получения прибыли [19, с. 351], но тогда предпринимательская деятельность — это только юридически выверенная разновидность экономической деятельности.

Есть одно немаловажное для темы нашего исследования обстоятельство, которое трудно не заметить: увязка специфики экономического спора с легальными содержательными характеристиками правоотношения, деление экономических споров на споры, возникающие из гражданских правоотношений и иных правоотношений, и экономические споры, возникающие из административных правоотношений, — есть институциональный критерий построения судебных коллегий в арбитражных судах всех звеньев [5, с. 306]. Тем самым определение сущности экономических споров выступает частью более общей и чрезвычайно сложной проблематики, а именно: разграничения компетенции судов общей юрисдикции и арбитражных судов, зачастую рассматривающих однородные дела. Наряду с этим соответствующие указания и позиции Высшего Арбитражного Суда РФ оказывают влияние на выработку легального, основанного на компетентном толковании, определения сущности экономического спора.

Так, например, в Постановлении Президиума ВАС РФ № 9987/11 от 01.12.2011 года суд из совокупного толкования положений ст. 279 ГК РФ, ст. 49, 55 и 63 ЗК РФ усмотрел, что установленные указанными нормами правила об изъятии земельных участков для государственных или муниципальных нужд не подлежат применению в отношении земельных участков, находящихся в федеральной собственности. По мнению Суда, изъятие земельного участка, находящегося в федеральной собственности, используемого для общественно значимых нужд, другим публичным собственником повлекло бы прекращение его использования для соответствующих публичных нужд, что невозможно осуществить в порядке, урегулированном гражданским законодательством. Именно поэтому указанные отношения имеют не гражданско-правовой, а публично-правовой характер.

В связи с этим Суд сделал вывод, что порядок изъятия земельных участков у Российской Федерации для нужд муниципальных образований гражданским законодательством не предусмотрен. Безусловно, основной критерий разграничения в приведенном Постановлении — это публично-правовой или частно-правовой (гражданско-правовой) характер отношений. Полагаем, данное решение вносит определенность также и в вопросы характера споров, рассматриваемых арбитражными судами.

Неоднократно отмечалось, что реализация конституционного права на судебную защиту, закрепленного в ч. 1 ст. 46 Конституции РФ, а также законодательно установленные единые подходы к осуществлению судебной защиты на основе конституционных норм и принципов в процессуальных процедурах рассмотрения дел в различных звеньях судебной системы России связаны с актуальной и требующей теоретического анализа проблемой разграничения компетенции между судами общей юрисдикции и арбитражными судами, в том числе при разрешении экономических споров.

Очевидно, что именно от верного определения судебной компетенции зависит в итоге выбор надлежащего суда при реализации права на доступ к суду, а также возможности обеспечения права на эффективность правовой защиты. Это обстоятельство приобретает особое значение в силу существования в государстве судов различных видов юрисдикции. Причем любой суд в государстве является органом правосудия, осуществляемого в различных специфических формах судопроизводства и преследующих общую цель судебной защиты прав и законных интересов граждан и организаций. Именно данная общая цель, как подчеркивает Т. Андреева, обеспечивает единство судебной системы Российской Федерации, которое зависит в том числе от четкого определения судебной компетенции и разграничения юрисдикции [1].

Обозначим основные аспекты этой проблематики, что позволит обосновать авторское видение критериев выделения такого рода споров, как экономические, тем более что эти вопросы были одними из основополагающих при выборе модели правового регулирования при принятии АПК РФ 2002 г. Как отмечается в литературе, долгое время критерием разграничения подведомственности дел суду и государственному арбитражу являлся субъектный состав дел, поскольку споры с участием граждан разрешал суд,

а с участием юридических лиц — государственный арбитраж [11].

Практически общепринятым и неоспоримым считается, что создание арбитражных судов позволило обеспечить непрерывность разрешения экономических споров. 17 мая 1991 года были приняты Закон СССР «О Высшем Арбитражном Суде СССР» и Правила разрешения хозяйственных споров Высшим Арбитражным Судом СССР, но в силу ряда причин этот суд по-настоящему так и не успел развернуть работу. 1 октября 1991 года вступил в силу Закон «Об арбитражных судах в Российской Федерации». В соответствии с первым российским законом об арбитражном суде этот суд осуществлял правосудие при разрешении возникающих в процессе предпринимательской деятельности споров, вытекающих из гражданских правовых отношений (экономические споры) либо из правоотношений в сфере управления. Арбитражный суд разрешал указанные споры, если они вытекали из отношений организаций (под «организациями» в законе понимались юридические лица — предприятия, их объединения, организации любых организационно-правовых форм, включая колхозы и частные предприятия), граждан (термин «граждане» в Законе использовался применительно к гражданам и их объединениям, самостоятельно осуществляющим предпринимательскую деятельность) между собой, а также из отношений организаций и граждан с государственными или иными органами. При этом в случаях, когда в таких спорах участвовали иностранные предприятия, предприятия с иностранным участием или иностранные граждане, спор мог быть передан на разрешение арбитражного суда при наличии соглашения сторон либо если это было специально предусмотрено законодательным актом.

Арбитражный процессуальный кодекс 1992 года и Закон РСФСР «Об арбитражном суде» 1991 года в вопросах определения подведомственности дел арбитражным судам исходили из разделения всех дел на две не связанные между собой категории: к подведомственности арбитражных судов относились дела по экономическим спорам, возникающим из гражданских, административных и иных правоотношений между юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями, а также между Российской Федерацией и субъектами РФ, между субъектами РФ.

Задача проверки законности и обоснованности решений, принятых архи-

тражными судами субъектов РФ в первой инстанции, была возложена на апелляционные инстанции тех же судов и федеральные арбитражные суды округов, действующие в качестве кассационных инстанций по отношению к определенным группам арбитражных судов субъектов РФ.

Кроме того, компетенция арбитражных судов была расширена за счет отнесения к их подведомственности споров с участием иностранных лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность.

Как полагают специалисты в области арбитражного процесса, указанные положения отражали вполне традиционные сложившиеся в процессуальной практике подходы к определению критериев подведомственности дел арбитражным судам. Такими критериями выступали характер спорного правоотношения (гражданский, административный либо иной характер) и субъектный состав участников спора (как правило, юридические лица и граждане, имеющие статус индивидуально-предпринимателя, приобретенный в установленном законом порядке). Как справедливо отмечает Т. Андреева, совокупность этих критериев давала возможность определять подведомственность дел арбитражным судам и лежала в основе разграничения компетенции между судами общей юрисдикции и арбитражными судами [1]. Вместе с тем такой подход вызвал вполне закономерные сомнения и был назван в науке далеко не безупречным. Дело в том, что на практике в процессе применения норм арбитражного процессуального законодательства выявилась доминирующая роль из этих двух критериев именно субъектного состава участников, связанного с наличием определенного правового статуса. При этом, по мнению Т. Андреевой, использовать для определения подведомственности второй критерий — характер спорного правоотношения — зачастую было довольно сложно, так как споры из гражданских и административных правоотношений рассматриваются также судами общей юрисдикции [1].

Ситуация осложнялась еще и тем, что после принятия нового Налогового кодекса Российской Федерации (ст. 138), Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (ст. 23.1, 30.1), Закона «Об исполнительном производстве» (ст. 90) на практике изменяется субъектный состав участников спорных правоотношений, он становится далеко не столь однозначным, как ранее. Помимо таких затруднений в опре-

делении субъектного состава правоотношений нередко становились случаи, когда использование такого критерия, как субъектный состав, при определении подведомственности приводило к серьезным негативным последствиям, как, например, по делам, связанным с применением законодательства об акционерных обществах и товариществах. Дело в том, что решение собрания акционеров могло обжаловаться акционером — юридическим лицом в арбитражный суд по месту нахождения общества, а акционером — физическим лицом — в суд общей юрисдикции (по месту жительства гражданина). Несложно смоделировать последствия — появление «параллельных» судебных процессов, множественность судебных актов, зачастую исключаящих друг друга [2]. Более того, доминирующее значение такого критерия, как субъектный состав, приводило ко вполне закономерному выводу, что «арбитражные суды являются специализированными главным образом в плане сторон, от которых принимаются дела: слушаются споры субъектов экономической деятельности, а не коммерческие споры сами по себе» [19, с. 352].

Ряд специалистов воспринимает использование действующим Арбитражным процессуальным кодексом 2002 года общего правила о подведомственности арбитражному суду дел по экономическим спорам, возникающим из гражданских, административных и иных правоотношений, связанных с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, как попытку создания «коммерческих судов» с более широкой юрисдикцией, нежели юрисдикция коммерческих судов в других странах. Спорить с таким представлением трудно, и нет к тому весомых научных предпосылок. Для нас гораздо более интересными выглядят любые попытки конституционно-правового анализа законодательного моделирования арбитражной практики.

Так, по мнению Т. Андреевой, в российском процессуальном праве не было конституционных оснований для обозначения субъектного состава участников спорных правоотношений как приоритетного критерия разграничения компетенции между судами общей юрисдикции и арбитражными судами, поскольку ст. 127 Конституции РФ, определяющая пределы компетенции арбитражных судов разрешением экономических споров и иных дел, никоим образом не связывала компетенцию с разрешением споров между определенными субъектами [2].

По-видимому, полагает автор, произошло расширительное толкование законодателем конституционной нормы, что привело к определенному искажению ее первоначального смысла.

Как подчеркивает Н. И. Клейн, использованный в Конституции РФ термин «экономические споры» не определяет характера правоотношений, из которых возникает спор, и правовую природу спора. Если под экономическими понимать споры, возникающие в предпринимательской деятельности, то многие дела, разрешаемые арбитражным судом, не подпадают под это понятие. В то же время одни и те же категории споров, возникающие в предпринимательской деятельности, в зависимости от субъектов отношений (сторон спора) подведомственны как суду общей юрисдикции, так и арбитражному. Например, взыскание недоимок по налогам и таможенным платежам с граждан и другие подобные дела рассматривает суд общей юрисдикции, а аналогичные дела с участием организаций подведомственны арбитражному суду. Такие дела с участием граждан тоже являются экономическими спорами. В то же время получение организацией приказа по опротестованным векселям, вызывное производство при утрате ценной бумаги организацией, споры по качеству товаров, купленных гражданами у предприятий розничной торговли, осуществляющих предпринимательскую деятельность, споры по перевозкам пассажиров-граждан подведомственны судам общей юрисдикции. Вместе с тем, полагает этот ученый, «понятие экономических споров не определено и не может быть четко определено»,

и если государство создало два вида судов, разрешающих определенные споры, то подведомственность дел каждому суду должна быть четко определена законом [10, с. 653—654].

Мы не можем согласиться с представлением о бесперспективности попыток выработать критерии или алгоритм определения экономического характера разрешаемого судом спора. Более верным взвешенным представляется нам в этой связи вывод о существовании неразрывной связи между обозначенными в законе субъектными и содержательными критериями [2]. Другое дело, что вопрос о природе такой неразрывности при этом как бы ушел на второй план, хотя, на наш взгляд, именно он является ключевым для системного прояснения обозначенной проблематики. Следует также преодолеть позитивистские стереотипы «поклонения» исчерпывающей нормативной определенности. Приверженность подобной догматике рано или поздно поставит в тупик правоприменителя независимо от качества законодательных конструкций.

Как бы там ни было, конституционная легитимация арбитражных судов предполагает специфику возложенной на них государственной функции: правосудие в сфере экономических отношений. Экономический спор, как один из видов социального конфликта, с позиции его конституционно-правовой составляющей является элементом комплексного института обеспечения конституционного права на судебную защиту, а его квалификация — необходимым условием реализации названного права.

Литература

1. Андреева, Т. Арбитражные суды в судебной системе РФ / Т. Андреева // Отечественные записки. — 2003. — № 2 (11).
2. Андреева, Т. О подведомственности дел арбитражным судам / Т. Андреева // Хозяйство и право. — 1997. — № 8, 9.
3. Боронов, А. Анализ судебной практики по гражданским делам, связанным с разрешением споров об исполнении кредитных обязательств / А. Боронов // Административное право. — 2014. — № 1.
4. Ванеева, Л. Д. Судебное познание в советском гражданском процессе / Л. Д. Ванеева. — Владивосток, 1972.
5. Григорьева, Т. А. Проблемы арбитражной юрисдикции в России. История возникновения и пути решения на современном этапе : дис. ... д-ра. юрид. наук / Т. А. Григорьева. — Саратов, 2002.
6. Губин, Е. Предпринимательское право Российской Федерации / Е. Губин. — М., 2003.
7. Елисейкин, П. Ф. Защита субъективных прав и интересов компетенции суда в советском гражданском процессе / П. Ф. Елисейкин // Учен. зап. ДВТУ. — Т. 31. — Владивосток, 1969.
8. Зайцев, И. М. Методологические вопросы характеристики хозяйственных споров / И. М. Зайцев // Некоторые философские проблемы государства и права. — Вып. 3. — Саратов, 1978.

9. Зайцев, А. И. Негосударственные процедуры урегулирования споров / А. И. Зайцев, И. В. Кузнецов, Г. Д. Савельева. — Саратов, 2000.
10. Клейн, Н. И. Концепция развития законодательства об арбитражном процессе / Н. И. Клейн // Концепции развития российского законодательства. — М. : Эксмо, 2010.
11. Клейн, Н. И. О развитии арбитражного процессуального законодательства / Н. И. Клейн // Журнал российского права. — 2010. — № 4.
12. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. В. В. Яркова. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Инфотропик Медиа, 2011.
13. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В. Д. Зорькина. — 3-е изд., пересмотрен. — М., 2013.
14. Крусс, В. И. Конституционная топология и дефинитивная трансгрессия правовых смыслов: теория и практика / В. И. Крусс // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы : материалы международного круглого стола (Черновцы, 21—23 сентября 2006 года) / под ред. В. М. Баранова, П. С. Пацуркиевского, Г. О. Матюшкина. — Нижний Новгород : Юридическая техника, 2007.
15. Морейн, И. Б. К вопросу о понятии трудового спора / И. Б. Морейн // Правоведение. — 1966. — № 4.
16. Нечаева, С. В. Обеспечение конституционного права на судебную защиту в контексте разграничения подведомственности дел между судами общей и арбитражной юрисдикции : дис. ... канд. юрид. наук / С. В. Нечаева. — М., 2011.
17. Николаева, Л. А. Защита трудовых прав советских граждан / Л. А. Николаева. — Алма-Ата, 1971.
18. Панова, И. В. Возмещение вреда, причиненного незаконными действиями административных органов: история вопроса, ответственность за убытки / И. В. Панова // Административное право и процесс. — 2014. — № 4.
19. Ткачева, Н. Н. Неопределенность понятий «экономическая деятельность» и «иная экономическая деятельность» как препятствие реализации права на доступ к правосудию / Н. Н. Ткачева // Современная юридическая наука и правоприменение (IV Саратовские правовые чтения) : сб. тезисов и докладов (по материалам Международной науч.-практ. конф., г. Саратов, 3—4 июня 2011 г.). — Саратов : СГАП, 2011.
20. Хозяйственное право : учеб. пособие / под ред. В. В. Лаптева. — М., 1985.
21. Чепурнова, Н. М. Судебная защита в механизме гарантирования прав и свобод. Конституционно-правовой аспект : монография / Н. М. Чепурнова, Д. В. Белоусов. — М., 2010.
22. Чечот, Д. М. Иск и исковая форма защиты права / Д. М. Чечот // Правоведение. — 1969. — № 4.
23. Чечот, Д. М. Судебная защита субъективных прав и интересов / Д. М. Чечот // Советское государство и право. — 1967. — № 8.

КУЗЬМИН Андрей Георгиевич, канд. юр. наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет). 454080, г. Челябинск, пр. В. И. Ленина, 76. E-mail: akuzmin@chelarbitr.ru

KUZMIN Andrey Georgievich, PhD Law, Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Faculty of Law of South Ural State University. 76, Lenin Ave., Chelyabinsk, 454080, Russia. E-mail: akuzmin@chelarbitr.ru

For citation: **A. G. Kuzmin** To the Question of Constitutional and Legal Constitutive Category of 'Economic Dispute'

Problemy prava (Issues of Law) founders journal № 1 (49).2015. pp. 47—55.

55

Конституция,
государство и общество

